

П. КРАСНОВ

**<Рец. на кн.: Иванов Вяч. Кормчие звезды: Книга лирики> Литература «Нового мира». 1903. № 8.
Литературное обозрение. Литературные вечера**

«Кормчие звезды» г. Вячеслава Иванова знакомят нас с совсем новым поэтом. Кое-что г. Иванова появлялось в «Вестнике Европы», не обращая на себя особого, впрочем, внимания, да в изданиях «Скорпиона», что, конечно, сразу компрометирует его в глазах читателей, ищущих трезвой поэзии.

Теперь перед нами большой том стихов. И дарование поэта тоже недюжинное. Об этом говорит прежде всего высокая техника стиха. Г. Вячеслав Иванов задался целью воскресить старые размеры и старый русский слог. Он пишет тем приподнятым славяно-русским языком, который так нравится нам в произведениях Жуковского и Тютчева. Иногда он пишет даже гораццианскими размерами, и впервые на русском языке, несмотря на многочисленные попытки переводчиков Горация, у г. Вячеслава Иванова эти размеры звучат приветливо. Далее, о даровании поэта говорит его вкус. Он любит классиков (в широком смысле этого слова) и им подражает, он переводит их и воспевает. Он очень удачно восторженно характеризует некоторые их произведения. Например, вот его отзыв о *Missa solennis* Бетховена:

В дни, когда святые тени
Скрылись дале в небеса,
Где ты внял, надзвездный гений,
Их хвалений голоса?
В дни, как верных хор великий,
Разделенный, изнемог,

Их молитв согласны лики
Где подслушал ты, пророк?
У поры ли ты забвенной,
У грядущей ли исторг
Глас надежды неизменной,
Веры мощь, любви восторг?
Но и в оны веки лира
Псалмопевная царя
Не хвалила Агнца мира,
Столь всевнятно говоря!
Ибо ты в сем гроте пирном
В буре кликов, слез и хвал
Слиться с воинством эфирным
Человечество созвал.

Мы бы могли указать еще на несколько признаков несомненного дарования г. Вячеслава Иванова; но это было бы бесполезно, так как есть одна черта его творчества, обращающая все эти его качества в ничто. Это — удивительная мертвенность его натуры. Г. Вячеслав Иванов не способен отзываться на жизнь, на живую природу, на чувства. Он вступает в общение с миром только через посредство книг, или через посредство художественных произведений других авторов. А между тем, вся сущность поэта, как и всякого художника, состоит именно в том, что он является посредником между средним человеком, не одаренным достаточно тонкими чувствами и отзывчивой душой, и природой. Художник подчеркивает, усиливает ее черты и делает их понятными толпе. Но едва ли нужен еще второй художник, который бы подчеркивал существенное в готовых художественных произведениях.

Оттого, мертвечиной, бессодержательностью, пустою словесною забавою, чем-то глубоко школьным (схоластическим) веет от книги г. Иванова. Это не вдохновение, а скорее упражнение в разных размерах и родах лирической поэзии на академические темы. Его остроты педантичны; форма всегда умышленно и неумышленно неоригинальна, и вся книга носит характер чего-то совершенно ненужного, безжизненного.

1903

